

Сестра
МОЕЙ ЖЕНЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛАНА ПИРАТОВА

Запретная страсть

Лана Пиратова

Сестра моей жены

«Автор»

2020

Пиратова Л.

Сестра моей жены / Л. Пиратова — «Автор», 2020 — (Запретная страсть)

Моя жизнь размеренна и упорядочена: бизнес, свой дом, красавица-жена. Но все летит к чертям, когда в нее врывается она – мисс «Сплошные неприятности». Мы не виделись почти десять лет. И я с радостью не видел бы ее еще столько же. Если бы не одно «но» - сейчас она пробуждает во мне запретные чувства. Ведь она – младшая сестра моей жены. А тут еще и проблемы с партнерами и опять из-за нее. И жена, которая... В тексте есть:- очень откровенно,- запретная любовь,- эмоции и чувства на пределе,- ХЭ.

© Пиратова Л., 2020

© Автор, 2020

Содержание

1. Никита	5
2. Никита	7
3. Никита	9
4. Никита	10
5. Никита	11
6. Никита	13
7. Никита	17
8. Никита	20
9. Никита	22
10. Никита	24
11. Никита	26
12. Никита	28
13. Никита	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Лана Пиратова

Сестра моей жены

1. Никита

Я останавливаюсь в дверном проеме и с удовольствием наблюдаю, как Лариса воркует с кем-то по телефону и одновременно что-то режет на столе. Наверное, готовит обед в ожидании любимого мужа, то есть меня.

В очередной раз убеждаюсь, что Лариса – чертовски привлекательная женщина. Она следит за собой. У нее на это есть время и мои деньги.

Ее попа аппетитно обтянута джинсами, а волосы собраны наверх, открывая красивую шею. Я чувствую, что хочу ее прямо здесь, на кухне.

Тихо подхожу к ней сзади, кладу руки на талию и крепко прижимаю к себе. Уверен, она попкой ощущает мой стояк.

– Никита, – вздыхает она и обнимает меня свободной рукой за шею.

Я касаюсь губами ее шейки и скольжу вверх, к ее губам. Она отвечает мне на поцелуй, но, когда мои руки опускаются ниже и почти касаются ее между ног, она останавливает их своими руками, говоря:

– Не сейчас.

Эту фразу в последнее время я слышу, пожалуй, чаще, чем «доброе утро». Раньше у меня был секс тогда, когда я захочу. Теперь, чтобы Лариса дала мне, должно совпасть сразу несколько обстоятельств: она должна быть свободна (блять, как будто мы говорим о женщине – премьер-министре, а она ведь даже не работает!) и к нам никто не должен заехать или позвонить по срочно-важному делу.

Замечая разочарование на моем лице, Лариса произносит:

– Скоро приедет Моника. Она уже приземлилась и едет к нам. Ты же не возражаешь, что она поживет у нас какое-то время?

Она, вроде бы, и спрашивает меня, но по факту просто ставит в известность. Только Моника нам не хватало! Этой оторвы и искательницы приключений на свою задницу.

Моника – это сестра Ларисы. Они сестры по матери, но отцы у них разные. После развода с отцом Ларисы ее мать познакомилась на корпоративе с американским акционером их компании и впоследствии родила от него Моника. Ее американский папа живет по Франции, там же последние девять или десять лет жила и училась Моника. И, вот, сейчас что-то притащило ее в Москву.

Когда я познакомился с Ларисой, Монике было двенадцать. И именно тогда она в первый раз загремела в полицию. Вынесла на спор что-то из элитного магазина. Чтобы девочку не отправили в специнтернат, пришлось приложить усилия. Тогда ей помог мой папа – известный адвокат. А я тогда был всего лишь студентом юрфака.

Помню нашу первую встречу дома у Ларисы. Тощая белобрысая девчонка в джинсах и майке, полная противоположность женственной и аппетитной Ларисы. Вместо благодарности за свое спасение пусть и руками моего папеньки она откровенно хамила мне весь вечер и под конец обозвала занудой.

Потом она еще пару раз попадала в истории. Я уже не интересовался подробностями. Пока ее мама не пожаловалась ее американскому папе и он не забрал Моника во Францию. Я даже вздохнул с облегчением, потому что видеть ее на нашей свадьбе с Ларисой после знакомства с ней не особо хотел.

С тех пор я ее не видел. Лариса иногда рассказывала о ней, но я не акцентировал на этом внимания.

Несмотря на то, что общего у Ларисы с Моникой было очень мало, они тесно общались. Поэтому неудивительно, что она решила остановиться у нас, а не у своей мамочки.

– Надолго она у нас? – спросил я, отстраняясь от Ларисы. Трахнуть, похоже, опять не получится.

– Не знаю, – Лариса как ни в чем не бывало продолжила что-то там строгать. – Она переводится в московский ВУЗ. Здесь будет доучиваться. Надо будет найти ей квартиру.

То есть Моника возвращается в Москву насовсем. Не могу сказать, что эта новость обрадовала меня. Надеюсь, меня не заставят посещать эти унылые семейные вечера в загородном доме мамы Ларисы.

Засунув руки в карманы, направляюсь на выход.

– Ты уже уходить? – слышу голос Ларисы из кухни. – Даже не пообедаешь?

Пообедаю где-нибудь в городе, потрахаться все равно сейчас не удастся: Лариса вся в ожидании приезда сестры. А у меня встречаться с Моникой нет никакого желания.

У меня своя адвокатская контора на пару с Олегом, моим приятелем еще с институтской скамьи. Дела идут неплохо, мы работаем только с крупными корпорациями и известными частными лицами, которым очень часто надо решить какие-то юридические вопросы, при этом оставаясь в тени.

Вот, и сегодня мы с Олегом в офисе одного известного продюсера, которому, во-первых, надо как-то привязать к себе обязательствами начинающую певичку, а, во-вторых, развести его с четвертой женой с наименьшими потерями. Для нашей фирмы это уже второй его развод. Я смотрю на его слащавую рожу и на то, как он смотрит на свою новую протезе, и понимаю, что именно она – причина его развода.

Господи, ну, хочешь ты трахнуть девку, зачем тащить ее в ЗАГС? Хотя, если бы не такие порочные наклонности, наша фирма потеряла бы сразу нескольких клиентов.

Я уже привык к этой грязи и хладнокровно отношусь и к злодеям, и к жертвам. Мне абсолютно не жаль этих баб, которых похотливые мужья выкидывают без гроша в кармане.

Сам я никогда не изменял Ларисе. Все десять лет брака я был ей верен. Да, и зачем? До недавнего времени меня все устраивало.

Я здоровый уверенный в себе мужик и секс мне необходим чаще, чем готова мне его дать сейчас Лариса. Порой проще плюнуть и не тратить время на уговоры, а пойти и подрочить в душе. Хотя осознание того, что я расслабляюсь с кулаком, как пятнадцатилетний подросток, явно не придает мне уверенности.

Может, у Ларисы просто такой период? Ведь она не перестает следить за собой и одеваться сексуально. В любом случае я не готов изменить ей.

2. Никита

Встреча с продюсером выматывает меня настолько, что домой я захожу с одним желанием: принять душ и завалиться спать.

Кидаю ключи и кейс в коридоре и, развязывая галстук и снимая пиджак на ходу, иду в ванную. Открываю дверь и застываю на месте.

В нос бьет аромат иланг-иланга. Это экзотический цветок, но я совершенно точно узнаю его аромат.

Как-то с Ларисой во время путешествия по Индонезии нам довелось принять участие в свадебной церемонии, устроенной специально для туристов. Непременным атрибутом подготовки молодоженов к брачной ночи было посыпание супружеского ложа цветками иланг-иланга.

Тогда, надыхавшись этим ароматом, я еле дождался, когда мы вернемся в гостиничный номер, чтобы трахнуть Ларису. Уже по возвращении под впечатлением я даже подарил ей как-то духи с ароматом иланг-иланга, но Ларисе они не понравились. Ей по душе духи с ароматом свежести.

И, вот, сейчас, в нашей ванной я ощущаю знакомый аромат и сквозь запотевшие стекла душевой кабины вижу едва различимый женский силуэт. Лариса? Ее руки подняты и погружены в длинные волосы и поэтому отчетливо видны соблазнительные формы. И мне даже кажется или это так стекло душевой кабины искажает, что у Ларисы выросла грудь. Или я пропустил, что она сделала операцию по увеличению груди? Она поворачивается ко мне аппетитной попкой и вот уже мой член упирается в брюки, подталкивая меня к душевой кабинке.

И я расстегиваю рубашку, собираюсь присоединиться к Ларисе, как слышу ее голос откуда-то из комнат, но точно не из душевой кабинки.

– Дорогой, это ты?

Блять! Это не Лариса в кабинке. А кто? И тут меня осеняет: Моника. Из головы совершенно вылетело известие о приезде родственницы. Сука, ее не учили закрывать дверь ванной и туалета? Или во Франции так принято?

Я невольно бросаю последний взгляд на силуэт в кабинке и выхожу из ванной комнаты. Беспокоит одно: член почему-то не падает, узнав, что он среагировал не на ту.

На ходу застегивая рубашку и дожидаясь, когда член, наконец, ослабит свой напор на мои брюки, иду на кухню. Голос Ларисы доносится именно оттуда.

– Как прошел день? – она целует меня в щеку, когда я подхожу к ней.

– Устал, – я целую ее в ответ, – ужинать есть что? Как ты?

– Моника прилетела, – радостно сообщает жена, – мы с ней весь день протрындели. Она, правда, тоже устала с дороги. Ну, сейчас поужинаем и отдыхать.

Так, значит, семейный ужин. Ладно. Я иду к бару, наливаю себе виски и встаю к окну. Наслаждаюсь результатом работы садовника, который тщательно следит за нашим садом.

– Привет, Никита, – слышу я звонкий голосок и сразу же отмечаю про себя, что голос у Моника совсем не изменился. Такой же по-детски звонкий и насмешливый.

Вот, и сейчас она произносит мое имя с насмешкой, как и тогда почти десять лет назад, когда таким же голоском назвала меня занудой.

Поворачиваюсь и с интересом рассматриваю ее. А что? Я не видел ее половину ее жизни. Должен же я разглядеть свою почти родственницу после столь долгой разлуки.

Моника только вышла из душа, ее мокрые волосы мягко обрамляют милое личико, на котором ярко выделяются голубые, почти такие же, как небо за окном, глаза и пухлые губы. Глаза, которые, наверное, занимают половину лица, честно передают все эмоции своей хозяйки. Такой ясный и открытый взгляд я давно не встречал.

Я не без облегчения отмечаю, что на Моники объемный махровый халат, который очень хорошо скрывает ее фигуру. Хотя картинка из душевой кабинки так и не выходит у меня из головы. Но сейчас из открытых частей тела я могу отметить лишь стройные ноги, которые халат прикрывает лишь до колен.

Моника немного выше Ларисы, но все равно почти на голову ниже меня. А еще я отмечаю, даже несмотря на халат, что она тоньше Ларисы. Все-таки, они такие разные, хотя и сестры.

– Здравствуй, Моника, – произношу я в ответ и собираюсь ограничиться этим, но, похоже, с этой чертовой Моникой это не получится.

– А ты возмужал, – с непонятной мне улыбкой произносит она. Пытаюсь понять по глазам, насмехается она или искренне радуется за меня. Но в глазах лишь какой-то непонятный блеск.

– Ты тоже подросла, – отвечаю я.

– Ну, что? Закончили с комплиментами? – усмехается Лариса. – Садитесь ужинать.

Я сажусь на свое место, Моника садится напротив, туда, где обычно сидит Лариса. И в нос опять ударяет чертов аромат. Так пахнет Моника. Сука, меня теперь будет преследовать этот запах! Может, дышать ртом в ее присутствии?

Лариса не прогоняет гостью со своего места и садится рядом со мной. Так даже лучше. Я притягиваю ее к себе и целую в нежную щечку.

На самом деле я просто хочу побыстрее поесть и пойти в душ, а потом трахнуть, наконец, Ларису и заснуть. Завтра с утра у меня важные переговоры и мне нужно отдохнуть. Мой настрой, похоже, очевиден моим визави за столом, поэтому мы едим молча, пока Моника не восклицает:

– Ох, Лариса, ты так вкусно готовишь! Пальчики оближешь! А, вот, я так и не научилась готовить.

– Может, поэтому ты до сих пор не замужем? – вставляю я, прерывая ее хвалебные речи.

Моника вспыхивает румянцем, но отвечает почти сразу:

– Просто моих мужчин интересуют несколько иные вещи, чем поглощение пищи.

Я ухмыляюсь:

– И что же, среди этих иных не было желающих жениться на тебе?

– Не было достойных, – серьезно отвечает она и вскидывает на меня свои огромные голубые глаза. И я не могу выдержать этот взгляд. Эта девчонка опять оказывается сильнее.

– Ой, Никит, ладно тебе, – Лариса опять пытается нас примирить, – Моника еще молодая девчонка, о каком замужестве может идти речь? К тому же теперь она серьезная девушка. Учится, вон. Потом карьеру будет строить. Не до замужества.

Изменилась она, как же. Такие не меняются. Так и придется теперь жить, ожидая сюрприза от нее.

– И что же изучает будущая карьеристка? – спрашиваю я.

– Право, – Лариса опережает с ответом Монику, видимо, боясь, что мы опять схлестнемся с ней. – Моника учится на юридическом.

Опа, да, у нас вечер сюрпризов! Моника – на юридическом. Что может быть забавнее?

– Это чтобы сэкономить на адвокатах, когда ты в очередной раз попадешь в историю? – не могу сдержаться я.

Моника опять вспыхивает румянцем, резко встает из-за стола, цедит сквозь зубы:

– Спасибо, Лариса. Доброй ночи, Лариса и Никита.

Поворачивается и уходит в свою комнату.

3. Никита

– Зачем ты так? – чуть обиженно спрашивает Лариса.

– Да, ты права, – соглашаюсь я и утыкаюсь ей в шею, притягивая к себе, – завтра извинюсь. Иди ко мне.

– Никит, но не здесь же, – шепчет она.

Начинается: не сейчас, не здесь. Нет, блять, здесь и сейчас. Мой член до сих пор не успокоился и требует, чтобы его пристроили в щелочку моей любимой жены.

Я без лишних уговоров просто сажаю Ларису к себе на колени и стягиваю блузку.

– А если Моника? – спрашивает она.

– Она пошла спать, – шепчу я, зарываясь в ее груди губами, – к тому же она – большая девочка и мужиками своими, вон, хвасталась.

Я снимаю с Ларисы лифчик и руками обхватываю ее груди. У Ларисы почти двойка и она почти идеально умещается в моих ладонях, а я почему-то именно сейчас думаю, как разместились бы в моих руках грудь примерно на размер больше. Блять, чертов душ и чертова Моника!

– Подожди, хоть дверь закрою, – выдыхает Лариса.

Встает с моих колен и идет к двери. Я тоже встаю и, как только она закрывает дверь, хватаю ее сзади и прижимаю спиной к себе. Мну груди и подталкиваю к столешнице.

Прижимаю ее к гладкой поверхности, на которой мы отражаемся как в зеркале, а сам упираюсь ей в попку своим возбужденным членом.

– Ого, да, ты сейчас порвешь свои брюки, – смеется Лариса.

– Молчи, – шепчу я и накрываю ее рот яростным поцелуем. Я нагло толкаюсь в ее рот языком, заставляя ее издавать гортанные хрипы. Потом отрываюсь лишь для того, чтобы растегнуть ее джинсы и одним движением стянуть их вместе с трусиками.

Теперь я упираюсь в ее голую попку. Надавливаю руками на ягодицы и скольжу между ними своим бугром в штанах. Лариса прогибается и сама сильнее вжимается в меня.

Я скольжу рукой вниз ее живота. Там уже мокро. Размазываю влагу и ласкаю клитор.

– Ох, – выдыхает она.

Быстро расстегиваю ремень и освобождаю так и рвущийся на свободу член. Ногами шире раздвигаю Ларису и заставляю наклониться и лечь на столешницу. Потом беру в руку член и провожу головкой от поясницы, между ягодиц, по складочкам и, наконец, проникаю в нее. Сразу на полную длину. Лариса вздрагивает и закусывает свою руку, сдерживая крик.

Я трахаю ее с какой-то злостью, как будто вымещаю на ней весь негатив, скопившийся за день. Мне нужна разрядка. Лариса тихо стонет, закусывая свою же руку. Бережет чувства Моника. Одной рукой я придерживаю ее за плечо, а второй пробираюсь под грудь и чувствую холод каменной столешницы. Соски Ларисы напряжены и я оттягиваю один сосок, захватывая его двумя пальцами.

– Никита... – вырывается из ее рта. Она на подходе. Я тоже. Ускоряюсь и кончаю в нее. Благо, семейный статус дает возможность не задумываться о последствиях. Лариса строго следит за тем, чтобы не залететь.

Отдышавшись, выхожу из нее и целую в плечо.

– Я в душ, – говорю, застегивая брюки, и выхожу из комнаты.

После душа, рухнув на постель, сразу же засыпаю, так и не дождавшись Ларису.

4. Никита

Я встаю рано утром. Лариса еще спит. Легонько, чтобы не разбудить, целую ее в щеку и иду в душ. Облачаюсь в свою рабочую спецодежду: белая рубашка, дорогой костюм и галстук и иду на кухню выпить кофе в тишине и одиночестве перед тем, как покину дом. Я всегда завтракаю один. Концентрируюсь на предстоящей работе и знакомлюсь со списком встреч, который подготовила мой секретарь.

Ларисы, по ее словам, непримиримая «сова». Она спит до десяти и каждый раз, покупая билеты на самолет, я вынужден отказываться от ранних рейсов, потому что слушать ее жалобы на то, что я не дал ей поспать, просто невыносимо.

– Доброе утро, – слышу я, заходя на кухню. Поднимаю глаза – Моника. По комнате опять расстилается аромат иланг-иланга. А она опять в этом объемном махровом халате. Она и спала в нем что ли? Выглядит она так, как будто мы и не расставались. Только волосы сегодня сухие и мягкими локонами ложатся на плечи.

Я вглядываюсь в ее глаза, пытаюсь найти признаки обиды за вчерашнее. Тщетно. Ее взгляд открытый и дружелюбный.

– Доброе, – отвечаю я.

Моника подходит к кофе-машине.

– А ты чего так рано? – скорее, из вежливости спрашиваю я.

– У меня сегодня встреча с волонтерами с утра, – отвечает она, сосредоточенно нажимая кнопки на кофе-машине.

– С кем? – чуть не давлюсь я.

– С волонтерами, – спокойно отвечает Моника. – Я во Франции состояла в добровольном обществе помощи детям. Там и познакомилась с ребятами, когда она приезжали по обмену.

– И чем же занимаются ребята-волонтеры? – интересуюсь я.

– Ездят по детским домам и общаются с детьми.

Моя усмешка не проходит незаметной для Моника.

– Что смешного? – сурово спрашивает она.

– Я не верю во все эти благотворительные фонды. Это лишь способ выкачать деньги из бюджета и чужого кармана, – немного цинично говорю я. Но это правда. – Я думал, ты учиться сюда приехала.

– Я занимаюсь волонтерством по выходным, – сухо отвечает Моника.

Моника делает себе кофе и, взяв чашку, направляется к двери. Решает оставить меня наедине. Понятливая. Я вспоминаю, что обещал Ларисе, и уже в спину ей говорю:

– Моника, – она оборачивается и внимательно смотрит на меня, – извини за вчерашнее. Я не хотел тебя обидеть.

– А я и не обиделась, Никита, – произносит она и я чувствую облегчение, потому что разборки и конфликты мне хватает на работе, а дома должно быть спокойно и уютно. Но радуюсь я, как оказывается, рано.

– Я от тебя другого и не ожидала, – добавляет Моника и выходит из кухни.

Маленькая стерва! Терпи, Никита, это не надолго. Скоро она съедет со своим дурацким ароматом и махровым халатом.

5. Никита

Домой я возвращаюсь поздно. Мысленно заставляя себя удержаться от лишних комментариев в сторону Моники, захожу домой. Дома тихо. Иланг-илангом не пахнет. Уже легче.

Лариса сидит в гостиной и что-то смотрит по телевизору. Подхожу к ней и целую.

– Ужинать будешь? – спрашивает она.

– Нет, – устало отвечаю я, – последняя встреча в ресторане была.

Иду в душ, но, прежде чем зайти в него, стучусь на всякий случай. Спустя несколько секунд тишины, открываю дверь и заглядываю. Блять, в собственном доме теперь хожу с опаской!

Переодевшись, возвращаюсь на диван к Ларисе, обнимаю ее. Моника так и не появилась.

– Мы сегодня ездили с Моникой в институт, подавали документы, – произносит Лариса. – А потом к Сергею заехали. Он обещал что-нибудь подыскать.

Сергей – это наш знакомый риэлтор. Толковый и ловкий паренек. Этот точно найдет, что надо.

– Молодцы, – говорю я. – А где Моника? У себя?

– Нет, она сегодня заночует у подруги.

– Откуда у нее в Москве подруги? – удивленно произношу я.

– Ну, Никита, она, все-таки, прожила здесь до четырнадцати лет. Могли же у нее остаться приятели из прошлой жизни.

– Я бы предпочел, чтобы она ночевала дома, пока живет у нас, – серьезно говорю я. И я действительно так думаю. И дело не в иланг-иланге и халате.

Лариса удивленно приподнимает бровь и я отвечаю на ее немой вопрос:

– Потому что от твоей сестры можно ждать только подвоха и кто ее знает, что она натворит ночью. И мама твоя и ее американский папа из Франции спросят с нас. Извини за прямоту.

И я так и представляю себе свою тещу – Кристину Алексеевну с надутыми губами и с упрёком смотрящую на меня.

Кристина Алексеевна – дама, безусловно, красивая. Неудивительно, что американский акционер запал на нее и дочери у нее получились что надо. Но, вот, характер у нее – полная противоположность внешности. И опять-таки неудивительно, что оба мужа сбежали от нее. Наше с ней общение ограничивается встречами раз в две недели в ее загородном доме. Чаше я просто не выдерживаю.

Лариса отвлекает меня от мыслей, возвращая к нашему разговору.

– Ты никак не привыкнешь к тому, что Моника выросла и поумнела, – она улыбается и качает головой.

Ладно, я промолчу. В конце концов, Моника – не моя сестра. По сути, она мне почти никто. Просто ее мама – мама и моей жены. И все.

В следующую ночь повторяется то же самое – Моника ночует у подруги. Может, она уже и переедет туда? Хотя в ее ночевках вне дома есть один жирный плюс – я опять чувствую себя дома как у себя дома. Блять, тавтология какая-то. Но это так и есть. С ее появлением мои ощущения у себя дома стали другими. Я уже не чувствовал расслабленность и спокойствие. Особенно, когда в нос ударял этот чертов индонезийский цветок.

Спустя два дня разлуки, о которой никто из нас, думаю, не жалеет, я встречаюсь с Моникой.

Я, как обычно, завтракаю один на кухне, просматривая свое расписание на сегодня, когда в дом заходит Моника. Я знаю, что это она. Ну, а кто же еще откроет дверь своим ключом и войдет в семь утра? Слышу, как она тихо идет по коридору к себе в комнату, и окликаю ее:

– Моника!

Она появляется в дверном проеме. Судя по ее лицу, она не очень рада меня видеть. А, вот, я впервые вижу ее не в махровом халате.

Да, Моника выросла. На ней обтягивающие джинсы с высокой талией, в которые небрежно заправлена белоснежная рубашка, под которой отчетливо заметен лифчик цвета фуксии. Это так сейчас модно: носить нижнее белье, чтобы его было видно?

Я был прав, она стройнее Ларисы, у нее тонкая талия и грудь ее больше, чем у Ларисы. Интересно, своя? Блять, Никита, ты за этим ее, что ли, позвал?

Похоже, мои взгляды по исследованию ее тела, не остались для Моника незамеченными. Сложив руки на груди и облокотившись о стену, она ухмыляется уголком губ и терпеливо ждет, когда я закончу ее изучать.

Я чертыхаюсь про себя и пристально смотрю ей в глаза.

– Где ты была? – спрашиваю как можно строже. Чувствую себя таким строгим папочкой. Оно мне надо вообще? Она же уже совершеннолетняя. И у нее есть папочка. Правда, далеко.

– У подруги, – как ни в чем не бывало отвечает она. – Ты ее не знаешь.

– А я и не прошу тебя о знакомстве с ней, – с ухмылкой отвечаю я.

– А к чему тогда эти вопросы? – наглет она.

– Пока ты живешь у нас с Ларисой, мы несем за тебя ответственность, – начинаю я. Моника демонстративно закатывает глаза и закидывает назад голову, открывая моему взору свою шею и еще больше выпячивая вперед грудь.

Цвет фуксии стоит теперь как биллборд перед моими глазами, затмевая все остальные цвета. Может, я просто давно не был во Франции?

И пока она не успевает сказать, что я зануда, добавляю:

– Будь добра ночевать дома. Иначе отправишься жить к своей мамочке в Ново-Переделкино.

С этими словами я встаю и решительно иду на выход. Не люблю разводить беседы, когда тему считаю исчерпанной. В дверях я сближаюсь с Моникой и опять чувствую этот аромат. От этого становлюсь только злее. И этот аромат останавливает меня около Моника, хотя я и не собирался этого делать.

Мы стоим напротив друг друга и я собираю всю силу воли, чтобы не поменять фокус с голубого на фуксию: фокусирую взгляд на ее глазах.

– Поняла? – каким-то странным голосом говорю я. Голос какой-то чужой.

Моника лишь фыркает в ответ. Ну, вот, что с ней делать? Выпороть? Или поставить на колени? Блять, и наказания-то какие-то специфические. Мысленно плюю в сторону, и быстро выхожу из дома.

Пиздец какой-то.

6. Никита

Последующие несколько дней мы живем тихо и мирно. Моника ночует дома, но мы практически не встречаемся, так как прихожу я поздно (на носу важная сделка по слиянию двух наших крупных клиентов), а она почти все время проводит у себя в комнате, готовясь, как говорит Лариса, к переводу в институт.

Квартиру ей пока не нашли. По рассказам Ларисы, они никак не найдут идеальный вариант. Идеалистки хреновы.

Но сегодня эта идиллическая картина нашего проживания дает трещину.

Я возвращаюсь домой около десяти. Уставший, голодный и злой. Уставший настолько, что даже не хочу трахнуть Ларису. Все мои мечты о душе и кровати.

Не успеваю зайти домой, как ко мне навстречу выбегает жена.

– Никита, – заламывая руки, говорит она, – Моника нет дома. Она уехала утром и до сих пор не вернулась. Я звоню ей, но телефон отключен. Что делать? Где она?

Ну, вот, сука, началось. И кто был прав насчет этой несносной девчонки?

– Успокойся, Лариса, – я стараюсь не показывать своего раздражения, – она, наверное, у этой своей подруги. Она же уже ночевала у нее.

– Да, но она всегда предупреждала! А сейчас я даже не могу до нее дозвониться! Она же не знает Москвы! Господи, я чувствую, что что-то случилось!

Конечно, случилось! С этой девчонкой иначе не бывает. Титьки выросли, а ума не прибавилось. Блять, опять я про титьки! И опять цвет фуксии пеленой ложится на глаза.

– Сделай же что-нибудь! – буквально требует Лариса.

– Я могу только посоветовать обзвонить морги и больницы, – хладнокровно, по-деловому говорю я.

Лариса смотрит на меня круглыми глазами и мне становится ее жалко. Я подхожу к ней и обнимаю ее.

– Лариса, мне кажется, ты себя накручиваешь, – говорю уже мягче. – Думаю, нам надо просто подождать до утра. Она же всегда возвращается утром.

Звучит так, как будто я говорю про какую-то блядь.

– А если она не вернется? – всхлипывает Лариса.

– Сообщим в полицию, я подключу своих ребят.

Лариса немного успокаивается и я целую ее в макушку и говорю:

– Я спать.

– Как? – искренне удивляется Лариса. – Ты просто пойдешь спать? Сейчас?

– А что ты предлагаешь? Сидеть и лить слезы с тобой? – начинаю злиться я.

В конце концов, мне завтра с утра на работу и я – единственный, кто работает в этой семье.

– Будут новости, разбуди, – говорю я и поднимаюсь на второй этаж.

Принимаю душ и, даже не надев домашнюю одежду, голым падаю на кровать. Засыпаю мгновенно и во сне мне снится фуксия. Какого хера? Я даже не знаю, как выглядит это растение! Просто знаю, во сне, что это вот фуксия!

От знакомства с миром цветов меня отрывает взволнованный голос Ларисы:

– Никита, – тербит она меня, – Никита, вставай! Моника нашлась.

– Поздравляю, – бурчу я, не отрывая голову от подушки, – пусть ложится спать, а завтра я надеру ей задницу.

– Никита, – Лариса продолжает толкать меня, но уже сильнее, – она в полиции.

Я резко приподнимаюсь:

– Чего? – спрашиваю я. – Опять?

Лариса нервничает, видно, что ей неудобно за сестру.

– Мне позвонила моя маникюрша Лена, – начинает объяснять она, – мы с Моникой у нее были, поэтому она ее знает. Она сказала, что Моника была в каком-то ночном клубе и ее там взяли с какими-то таблетками.

Амфетамин, скорее всего, пронзает меня догадка. Очень модный сейчас среди молодежи. Пиздец, только этого не хватало.

Я резко встаю.

– Адрес? – натягивая брюки, спрашиваю я у Ларисы. – В каком она отделении?

– Сейчас, – Лариса начинает судорожно рыться в телефоне, – сейчас я тебе перешлю сообщение от Лены.

– Паспорт ее давай, – командую я.

Уже подходя к машине, смотрю на часы. Сука, три часа ночи! Мне через три часа вставать! Но что-то мне подсказывает, что в кровать я сегодня уже не попаду.

Читаю сообщение от Ларисы. Так, отделение находится в центральном округе. Отлично. Если сам не справлюсь, можно будет подключить Семенова из прокуратуры.

Мчу по ночной Москве, собирая все возможные штрафы.

В отделение полиции захожу уже уверенной походкой адвоката дьявола. Несмотря на столь ранний час, в отделении полиции, как всегда, многолюдно и шумно.

В одной из камер замечаю знакомую фигуру с волосами цвета спелой пшеницы. Моника меня не замечает. Она сидит на скамейке, забившись в углу. Голова уткнулась в поднятые колени. Ну, что, девочка, доигралась? Почувствовала вкус российской действительности, очутившись в одной камере с бомжами и проститутками?

Блять, надо ее быстрее оттуда вытаскивать, пока она чего-нибудь там не подцепила. Не хватало еще заразы в доме.

– Где главный? – спрашиваю я у дежурного.

– А Вы по какому вопросу? – спрашивает меня в ответ молоденький полицейский.

– По вопросу незаконного удержания гражданки Соединенных Штатов, – сразу достаю я главный козырь.

– Вторая дверь налево, – сразу же правильно отвечает дежурный.

Стучусь в эту самую дверь и, не дожидаясь ответа, захожу. Уверенной походкой подхожу к столу и сажусь на стул. Говорю:

– Здравствуйте.

Лейтенант удивленно смотрит на меня, но здоровается в ответ.

– По какому вопросу? – спрашивает он.

– Я представляю интересы американской гражданки Моника Лейн, которую Вы задержали, нарушив процессуальные нормы. Вот ее паспорт.

Даю ему время досконально изучить паспорт Моника.

– И что же мы нарушили? – ехидно спрашивает он. – Вашу подзащитную с поличным взяли. У нее в сумке обнаружен амфетамин. В объемах точно не для личного пользования.

– Возможно, – пожимаю плечами я, – но все ваши действия ни один суд не рассмотрит, потому что провели вы их с нарушениями.

Лейтенант откидывается на спинку своего кресла, как бы предлагая мне продолжить, что я и делаю.

– Моника Лейн – гражданка Соединенных штатов Америки. Для ее задержания и обыска вы должны были вызвать переводчика, адвоката и информировать консульство. Это было сделано?

Вопрос повисает в воздухе. Конечно, это сделано не было. Ее сгребли вместе со всеми остальными. Кто там в три часа ночи будет разбираться, кому нужен консул, а кому – нет?

– Допустим, я облегчил вам задачу, – продолжаю я. – Адвокат у нее уже здесь. Теперь осталось привести переводчика. Он ведь есть у вас? И позвонить в консульство. Правда, вот, работают они с девяти часов утра. А сейчас – четыре. Так что, еще пять часов придется вам обеспечить госпоже Лейн отдельную камеру с кондиционером и возможностью поспать, а также завтрак. А с утра позвоните консулу и объясните ему, каким образом гражданка Америки провела ночь в отделении полиции.

– Короче, – сдается лейтенант, – твои варианты?

Люблю понятливых.

– Лейтенант, – уже другим, менее заносчивым голосом, говорю я, – девчонка, если и взяла что-то, то по глупости и по ошибке. Неделю всего в Москве, в институт, вот, собирается поступать. Так что, если вы о ней просто забудете, то кривая преступлений не пойдет резко вверх. А мы, в свою очередь, обещаем забыть об этом неприятном инциденте и даже компенсировать ваши моральные неудобства в связи с необходимостью нарушить инструкции.

И я кладу подготовленный конверт с N-ной суммой на стол. Лейтенант быстро сгребает конверт к себе в ящик стола и звонит дежурному:

– Белобрысую эту из клуба выпускай.

Кладет трубку и уже говорит мне:

– Забирай свою Монику, но, чтоб больше я ее не видел на наших выездах.

Я улыбаюсь, киваю и иду к дежурному. Тот уже открывает дверь в камеру и зовет Монику:

– Эй, ты, в углу! Вставай! На выход! Да, не ты, – он толкает пытающуюся вылезти из камеры пьянчужку.

Моника поднимает голову и с надеждой смотрит на дежурного, но не верит, что он обращается к ней.

– Ты-ты, – кивает он ей, – выходи, давай живее. А то передумаем.

Она вскакивает со скамейки и протискивается к выходу сквозь своих сокамерников.

Выходит из камеры и, наконец, встречается взглядом со мной.

– Ты? – удивленно смотрит она.

– Пошли, дома поговорим, – я беру ее за локоть и тяну на выход, отворачиваясь, не желая вдыхать ее аромат.

Мы садимся в машину. Я намеренно не открываю ей дверь и не помогаю сесть в машину. Я приехал сюда только из-за того, что она – сестра Ларисы. А так, я бы с удовольствием понаблюдал, как этой девчонке преподнесли бы урок.

Открываю окно, чтобы хоть как-то выветрить из салона запах иланг-иланг. Я весь сосредоточен на дороге. О чем мне говорить с Моникой? Воспитывать ее? Ругать? Все – нет. Она просто съедет от нас к своей маме. Вот это – решение. Моника первая не выдерживает тишину.

– Спасибо тебе, Никита, – почти шепчет она.

Мы как раз останавливаемся на светофоре и я перевожу на нее взгляд. Она сидит рядом со мной на пассажирском сидении, плечи опущены, ладони зажаты между коленок, она смотрит в пол.

– На здоровье, – отвечаю я.

Опять тишина.

– Прости меня, – не успокаивается Моника.

– За что? – уже мягче спрашиваю я и опять перевожу взгляд на нее. Еще один светофор.

Моника, словно, чувствует изменение моего тона, и отрывает глаза от пола, смотрит на меня.

Сука, эти ее огромные глаза. В полумраке машины виден лишь блеск, а не цвет глаз. Но она так смотрит на меня, что я первый убираю взгляд, прикрывшись зеленым светом светофора и необходимостью ехать.

Всю оставшуюся дорогу до дома мы едем в тишине. И я не знаю, что на меня сейчас давит больше: эта самая тишина или аромат иланг-иланг, который, похоже, основательно пропитал салон моей машины. Завтра перед работой надо будет заехать на автомойку.

Мы въезжаем во двор дома и я паркую машину в гараже. Но Моника не двигается с места.

– Никита... – начинает она. Я грубо перебиваю ее, спрашивая:

– Надеюсь, ты сама не пробовала то, что нашли у тебя в сумочке?

– Нет-нет, – качает головой она и преданно смотрит мне в глаза, – Я и не знала. И это не мое. Подруга попросила передать ее молодому человеку. Сказала, что лекарство и ему по рецепту положено.

Обычная история развода лохов для передачи наркотиков. Курьеры уже давно стараются не светиться в цепочке, добавляя туда такое вот «звено», как Моника. Меня так и распирает назвать ее дурой, но тут я слышу рядом со своим плечом всхлипы. Она плачет, что ли? Да, блять.

Я не умею успокаивать плачущих женщин. И вообще не умею я с ними обращаться. Лариса не плачет. Я ни разу не видел ее со слезами на глазах. Хотя нет, вру, один раз было: когда она выпила и включила какую-то слезливую мелодраму. Тогда да, она всплакнула.

А теперь у меня в салоне плачет Моника. Какая-никакая, а женщина.

– Не плачь, – это, что ли, надо сказать? Я не знаю, что говорить.

Отстегиваю свой ремень, потом ее и рукой прижимаю ее лицо к своему плечу. Глажу по ее пшеничным волосам и пытаюсь ее успокоить:

– Успокойся, все позади.

Потом протягиваю ей салфетки, Моника убирает голову с моего плеча и приводит себя в порядок. Затем поворачивается ко мне, тянется, кладет свою руку мне на ногу для опоры и целует меня в щеку со словами:

– Спасибо, Ник.

Ник? Что-то новенькое. Так, на свой американский манер, она меня еще не называла никогда.

И я понимаю, что иланг-иланг – это не самое худшее, что может со мной произойти. Оказывается, есть варианты: ее рука на моей ноге, которую она не торопится убирать, и короткое слово «Ник».

– Иди домой, Моника, – как можно спокойнее говорю я, – Лариса места себе не находит. Скажи, что я сейчас. Мне надо сделать звонок.

Она, наконец, убирает свою теплую ладошку с моих брюк и выскакивает из автомобиля. А я сижу с ужасом, понимая, что у меня эрекция на сестру моей жены. Пиздец.

Немного успокоившись и придя в себя, захожу в дом. Тишина. Все уже спят. Я смотрю на часы – шесть часов. Мне пора вставать. Поэтому просто иду в душ, переодеваюсь и уезжаю на встречу.

7. Никита

В субботу я обычно пару часов провожу в зале для поддержания формы. На неделе мне хватает нагрузки на работе, но суббота – мой день. Спортом я занимаюсь с детства, когда-то даже имел разряд по плаванию, но олимпийского чемпиона из меня не получилось.

Взяв спортивную сумку, выхожу из дома и встречаюсь на дворе с Моникой. Она в джинсах и толстовке, волосы собраны в небрежный пучок, на ногах кроссовки. Ее аромат всегда с ней. Она немного расстроена и что-то набирает на телефоне.

– Моника, все в порядке? – спрашиваю я ее вместо того, чтобы просто пройти мимо.

Она рассеяно поднимает на меня глаза.

– А? Да, – говорит она, опять погрузившись в телефон, – я опаздываю, а такси все время переносит время ожидания.

– Куда тебе? – и кто меня за язык тянет? Но слова вылетают из моего рта сами собой.

Она называет адрес. Это рядом с моим залом. Эх, родственница она мне или нет, в конце концов?

– Поехали, подвезу тебя, – бросаю я на ходу, подходя к машине, – мне как раз в ту сторону.

Моника довольная и воспрявшая духом, бежит за мной следом. Куда же она так торопится? Навстречу очередным приключениям?

В машине она продолжает с кем-то переписываться, совершенно не обращая на меня внимания. Это немного злит, потому что я, как-никак, помогаю ей. Но, с другой стороны, так даже лучше. Не возникает этих неловких пауз, когда не знаешь, что сказать. Я лишь иногда, когда мы стоим в пробке, позволяю себе краем глаза посмотреть на свою пассажирку.

Она быстро-быстро набирает текст в телефоне, закусив нижнюю губу своими белоснежными зубками. Прядь волос выбилась из пучка и спадает на ее щеку. Она машинально убирает ее за ухо.

Мы подъезжаем по адресу, который назвала Моника. Какой-то склад. Что ей тут надо?

Машина останавливается и Моника, оторвавшись от телефона, смотрит в окно и кому-то машет. Бросает мне быстрое «Спасибо!» и выбегает из машины. А меня не оставляет чувство тревоги. Мне хватило одного визита в полицию по поводу сестры моей жены. Надеюсь, это не станет доброй традицией.

Выглядываю в окно и смотрю на мужика с недовольной физиономией, к которому бежит Моника. Скорее всего, работник склада в оранжевом жилете с номером на спине.

Надо просто нажать на кнопку и завести машину. И уехать, черт побери, в зал. Подальше от Моника. Подальше от неприятностей. И подальше от иланг-иланга. Но я продолжаю наблюдать. Что мною движет? Хрен его знает. Но меня не оставляет предчувствие чего-то, чего я еще не знаю, но очень хочу узнать.

Мужик в оранжевом с Моникой заходят в здание склада. Это становится интересно. Нет, ну, какая нормальная девушка поедет на склад в субботу в восемь утра?

Терпеливо дожидаясь их выхода. Наконец, двери открываются и сначала в дверном проеме показывается огромная коробка. Она реально большая, настолько, что за ней видно только джинсы и кроссовки. И именно по ним я узнаю Моника. Выходит она одна.

Судя по всему, коробка не тяжелая, просто объемная. Но что в ней? Что может быть в этой коробке? И зачем это Монике?

Она ставит коробку на землю рядом с собой, поправляет задравшуюся толстовку и кому-то звонит. Разговаривает долго, облокотившись на коробку. Потом звонит еще куда-то. На этот раз разговор короткий.

Через несколько минут подъезжает такси. Обычное такое такси, не грузовик. Выходит водитель и смотрит на эту ее коробку. Открывает багажник. Становится забавно. Они реально будут пытаться впихнуть эту громадину в багажник? Я уже наблюдаю за всем этим с неподдельным интересом.

Водитель такси честно пытается растянуть багажник своей машины под размер коробки. Моника пытается ему помочь. Бесполезно. Эта коробка никогда не войдет в багажник обычной машины.

Водитель такси ставит коробку обратно рядом с Моникой, машет рукой, садится и уезжает. А Моника с потерянным лицом так и стоит на пустынной улице с громадной коробкой.

Теперь я уже точно не могу уехать. И в кого я такой сердобольный? Выхожу из машины и иду к ней.

– Что там у тебя? – спрашиваю нарочито строго, подойдя к Монике.

Она поднимает глаза и, не скрывая своей радости, начинает тараторить:

– Ой, Ник, ты еще здесь? Как здорово! Понимаешь, мне надо срочно эту коробку отвезти, а она не влезает никуда. Я пробую заказать минивэн, но свободных нет пока. А я опаздываю.

– Пошли, – коротко говорю я и поднимаю коробку. Она, действительно, не тяжелая.

Моника идет, чуть ли не вприпрыжку, за мной.

В мой джип коробка, хоть и с трудом, но влезает. Кое-как захлопнув дверь багажника, кидаю Монике:

– Садись.

Похоже, тренировка сегодня отменяется. В последнее время у меня все либо отменяется, либо меняется. И все из-за родственницы жены, которая сейчас ловко возвращается на пассажирское сидение рядом со мной.

– Ну, куда тебя везти? – спрашиваю я, нажимая кнопку зажигания.

– В Тверскую область.

Куда? Я удивленно смотрю на Моника. Она начинает нервничать. Наверное, думает, что я сейчас попрошу ее освободить машину вместе с ее коробкой. Теревит шнурок на толстовке в руках, закусывает нижнюю губу и с неподдельным страхом смотрит на меня. Блять, я чувствую себя строгим директором, отчитывающим нашкодившую школьницу.

– Что ты там забыла? – уже более спокойно спрашиваю я.

– Мне надо в детский дом.

– А в коробке что?

– Игрушки мягкие для детей. У них сегодня праздник радужного настроения. Мы хотели каждому подарить по игрушке.

– Кто это мы? – уточняю на всякий случай.

– Волонтеры. Помнишь, я рассказывала тебе?

Ну, да, что-то было тогда на кухне с утра. Я не акцентировал внимание. Но, сука, ехать в Тверскую область на день радужного настроения – это ли не пиздец?! Но не выгонять же Моника с ее плюшевыми медведями на улицу. Еще раз внимательно смотрю на нее – как же ловко она меня развела. Сначала заставила впихнуть эту чертову коробку, потом уселась сама и только после этого сказала, куда ехать.

Моника смотрит на меня невинными глазами. Молодец, девочка, далеко пойдешь.

Забиваю адрес детского дома, прочитанный Моникой из сообщения от другого волонтера, в навигатор. Два часа в один конец. Надеюсь, детям понравятся игрушки и они не начнут отмечать день радужного настроения без нас. Уж, очень хочется посмотреть, что же имеется в виду под столь замысловатым названием.

– И давно ты этим занимаешься? – спрашиваю я Моника, когда мы выезжаем на трассу.

– Лет пять, – отвечает она, – я еще во Франции этим занималась. У меня у папы два благотворительных фонда, но там неинтересно. Я пробовала. Все эти балы, спонсоры и все

такое. Поэтому я познакомилась с ребятами, которые не собирают деньги, а помогают лично. Правда, во Франции нет детских домов, там я помогала в доме престарелых.

И практически весь путь Моника рассказывает мне о своей жизни во Франции. Вернее, о той ее части, где она занималась волонтерством.

Сам я никакой не благотворитель и даже, прежде чем перевести бабушку через дорогу, подумаю все и взвешу. Я всегда с недоверием относился ко всем этим фондам и сборам средств. И, да, мне трудно представить, что молодая девчонка будет тратить свое время на чтение книг и детские игры со стариками.

Но то, как Моника рассказывает о своем хобби, хотя хобби даже как-то несерьезно это все называть, заставляет меня удивляться еще больше. Ей ведь на самом деле нравится то, что она делает.

И я с интересом при любой возможности, будь то светофор, или пробка, смотрю на нее, рассказывающую истории из своей практики, порой забавные, а порой и грустные. И искренне смеюсь и грущу с ней на пару. Она рассказывает мне истории своим задорным детским голосом, небрежно поправляя выбившиеся пряди волос и развернувшись ко мне полубоком.

Такую Моника я не знал. Она не похожа на ту заносчивую и дерзкую девчонку, от которой можно ожидать одни неприятности. Наверное, вот такая, искренне верящая в то, что она делает, она и есть настоящая.

8. Никита

Мы въезжаем на территорию детского дома. Я никогда раньше не был в таких заведениях и навряд ли когда-либо побывал, если бы не Моника.

Я паркуюсь и достаю коробку из багажника. Моника убегает вперед к парню и девушке, стоящим около входа. Тоже волонтеры, похоже. Идейные, я таких сразу узнаю. Взгляд настоящий и недоверчивый. И этим они отличаются от Моника. Хотя, ведь, занимаются одним делом. Может, это такая российская специфика?

Я подхожу к ним с этой долбанной коробкой, которую ужасно неудобно нести именно из-за ее габаритов. Ставлю ее рядом с ними. Парень недоверчиво смотрит на меня. Потом переводит взгляд на Моника.

– А это мой, – начинает Моника и смотрит на меня в надежде, что я подскажу ей, кем же я ей прихожусь. Я лишь пожимаю плечами. Никогда не разбирался в этих родственных связях и названиях. – Мой родственник, – находит выход она и добавляет, – дальний.

– Сергей, – хмуро представляется парень, – а это Вера, – он показывает на девушку рядом с собой.

Эта троица начинает что-то обсуждать, пока в дверях не появляется строгая дама в очках.

– Здравствуйте, Ольга Георгиевна, – кидается к ней Вера.

– Здравствуйте, мальчики и девочки, – приветствует нас, по-видимому, директор детского дома. – Все в сборе? А то мы уже заждались вас.

Я бы мог оставить здесь Моника и уехать обратно в Москву. Обратно доехала бы на такси со своими собратьями по идее. Но какая-то сила убеждает меня остаться и посмотреть на то, что я ни разу не видел.

Мы поднимаемся на второй этаж. Причем коробку опять ташу я, несмотря на то, что я не один «мальчик» среди гостей.

– Поставь коробку здесь, – Вера показывает в угол рядом с дверью в зал. – Это сюрприз, после праздника раздадим.

Мы заходим в просторный украшенный воздушными шарами и самописными плакатами зал и на нас сразу же устремляется пара десятков детских глаз. Дети начинают хлопать в ладоши, приветствуя нас.

Для нас приготовлены самые лучшие места перед импровизированной сценой. Этот Сергей ловко садится рядом с Моникой, а я оказываюсь сидящим рядом с Верой.

День радужного настроения начинается. На сцене дети поют, танцуют. По сколько им? Лег по семь-восемь? Я не очень разбираюсь в детях. Потом идет какая-то сценка. Но я не слежу за происходящим на сцене, потому что меня больше интересует то, что происходит рядом.

Сергей слишком много внимания уделяет Монике. Так и хочется ему сказать: «Смотри на сцену! Зря, что ли, дети там хороводы водят?» Но он постоянно наклоняется к Монике и что-то ей говорит.

Я, уже не стесняясь, наблюдаю за ними и ловлю на себе удивленный взгляд Моника, когда она поворачивается, чтобы ответить Сергею. Она приподнимает бровь и, продолжая смотреть мне в глаза, в первый раз за все время сама наклоняется к Сергею и что-то ему отвечает. Потом улыбается и ее взгляд возвращается на сцену. Что она хочет мне этим сказать?

Пытаюсь сосредоточиться на том, что вижу на сцене.

Детей много, но взгляд у всех почему-то абсолютно одинаковый – у всех в глазах застыла грусть. У этих детей нет во взгляде беззаботной радости и веселья. Каждый из них смотрит на нас – посторонних взрослых, оказавшихся в их общем доме, – с тоской. И надеждой? Надеждой, что когда-нибудь такой же посторонний взрослый придет и заберет их отсюда.

Концерт окончен, пришла пора дарить подарки. Моника, Вера и Сергей выходят в коридор за игрушками. Я сижу в зале, набираю Ларисе сообщение, что буду вечером. Слышу радостные детские крики – значит, начали раздавать игрушки.

Ко мне подходит Моника. Я узнаю ее по кроссовкам, потому что не отрываю глаз от телефона.

– Тебе не скучно? – спрашивает она.

Я встаю с кресла, потому что привык смотреть на женщину снизу вверх только из одной позиции. И это точно не с Моникой.

– Нам надо еще тут побыть, пообщаться с ребятами, – говорит она. – Если у тебя дела, ты можешь ехать. Нас с Верой Сергей отвезет.

Вот так. «Ты можешь ехать». Так благосклонно позволяет мне уехать. Может, думает, что начну уговаривать отвезти ее домой? Ни хрена. Сергей так Сергей.

Всю дорогу назад злюсь на себя за то, что попёрся с Моникой чёрт знает куда и сейчас вынужден стоять в пробках на подъезде к Москве. Еще этот аромат ее в машине. Она пропитала им весь салон.

Чёртова Моника! Сбила все мои планы. В зал я сегодня уже не попадаю. Но больше всего меня раздражает то, что Моника осталась там, а меня просто-таки выставила. Сергей ее довезет. А что ж он со склада ее не забрал?

И почему я так на этом заикливаюсь? Как почему? Потому что это выглядит очень неблагодарно с ее стороны. Я ей помог, а она вот так со мной. Ну, конечно, дело в ее неблагодарности. Мне больше от нее ничего и не надо.

Последнюю фразу я мысленно повторяю несколько раз, словно, убеждаю себя в этом.

Уже подъезжая к дому, получаю от Ларисы сообщение: «Заночую у мамы, а то поздно возвращаться. Целую». В последнее время Лариса зачастила к теще и ночевать у нее остается часто. Раза два в неделю точно. Может, что случилось? Надо бы проведать Кристину Алексеену. Какая-никакая, а, все-таки, мать жены.

Дома, схватив что-то из холодильника, открываю бутылку пива и сажусь на диван в гостиной перед ящиком. Телевизор как фон, я шелкаю по каналам только для того, чтобы допить пиво и завалиться спать. Дорога в Тверскую область и обратно вымотала меня, Ларисы нет. Так что лягу сегодня пораньше. Хоть выплещусь.

Вторая бутылка пива благоприятно действует на мое расслабление. Сейчас допью эту бутылку и пойду спать.

Но тут раздается звук открывающегося замка. Похоже, Моника. Она едва слышно шагает в свою комнату, потом все затихает. Я продолжаю шелкать кнопки пульта.

Я уже почти дремлю на диване, как в дверях появляется Моника. Она в обтягивающих леггинсах и таком же тесном топике. Все, абсолютно все, что на ней одето, подчеркивает ее фигуру. Где, мать твою, ее махровый халат?

– Как доехал, Ник, – она опять называет меня этим коротким именем.

Мои мышцы напрягаются.

– Нормально, – сухо отвечаю я.

– Не возражаешь, я тоже посмотрю? – спрашивает она.

Я лишь пожимаю плечами. Она садится не на кресло, стоящее рядом, а на диван, на котором уже сижу я. Садится не близко ко мне, но так, что моя рука, которую я положил на спинку дивана, почти касается ее голого плеча.

Я убираю руку и сажусь уже в менее расслабленную позу. И вообще расслабление моментально улетучилось, я опять напряжен. И опять воздух начинает давить ароматом заморского цветка.

Нет, это выше моих сил. Я одним глотком допиваю пиво, встаю с дивана и ухожу. Не попрощавшись.

9. Никита

Просыпаюсь среди ночи от того, что в горле пересохло. Выпитое перед сном пиво дает о себе знать, требуя хотя бы глотка воды. Не вставая с кровати, в темноте нащупываю на полу бутылку воды, но она оказывается пустой. От злости швыряю ее в стену. Так и придется вставать и тащиться на кухню.

Кое-как скидываю свое тело с кровати и плетусь на кухню в одних домашних штанах, без майки. И замираю в дверях. На кухне стоит Моника. Лунный свет, падающий в окно, прекрасно освещает комнату и ее, Монику.

Слишком короткие даже для пижамы шелковые шортики персикового цвета дают возможность лицезреть ее длинные стройные ноги, которые сейчас она скрестила, опершись на столешницу. Такого же цвета топ едва достает до пупка. Волосы ее чуть растрепаны. Видно, что она недавно подняла голову с подушки.

Моника меня не замечает, она сосредоточенно смотрит в окно. Что она там увидела? И что заставило ее притащиться на кухню среди ночи? В ушах Моника наушники. Рядом на столе лежит телефон. Она что-то слушает.

Я стою и просто смотрю на нее. Хотя нет, не просто смотрю. Я возбуждаюсь. В штанах уже ощутимо мое желание. Ткань у домашних штанов тонкая, поэтому вообще не скрывает мою эрекцию. Блять, я опять возбуждаюсь на Монику! Это ненормально! Она мне почти родственница!

На этом разумные мысли кончаются и в голову лезут совершенно другие, неправильные, но такие приятные мысли. Мысли о том, как же хороша Моника и как же я хотел бы примерить ее грудь к своей ладони, а еще о том, что я качественно не трахался хуеву кучу лет и все, что мне остается, вернуться в холодную постель и подрочить.

– Блять, – вылетает из моего рта достаточно громко. Моника сразу же поворачивается и мы встречаемся взглядом. Она вынимает наушники и руками опирается на столешницу. Топ натягивается на груди.

Так мы стоим какое-то время, глядя друг другу в глаза. Кто на этот раз первым отведет глаза? Точно не я. Моника не выдерживает первой. Встряхнув головой, как будто прогоняя наваждение, она произносит с улыбкой:

– Ты что-то хотел, Ник?

Член еще раз дергается, когда она опять произносит мое имя по-своему.

– Да, – хриплю я, прокашливаюсь и уже более твердым голосом добавляю: – Хочу. Пить.

Потом иду по направлению к Монике, потому что именно в шкафу над ее головой стоят бокалы. Она не отходит, а все также подпирает своим телом столешницу.

Я останавливаюсь в шаге от нее и тянусь рукой к шкафу. Не достаю. Блять, так и придется подойти к ней ближе.

– Помочь? – спрашивает Моника, улыбаясь одним уголком губ.

Не дожидаясь ответа, она поворачивается ко мне спиной, демонстрируя свою попку в этих персиковых шортиках, открывает шкаф. При этом топ поднимается еще выше с одного бока, а с плеча спадает бретелька.

Нет, сука, это просто ад какой-то!

Она достает бокал и подает мне его, гипнотизируя своими глазами. Я беру бокал, но моя рука при этом оказывается на руке Моника. И я не отпускаю ее. Мы так и стоим несколько долгих секунд, глядя друг другу в глаза и сжимая один бокал.

Мне хочется сжать кулаки от напряжения и я инстинктивно крепче сжимаю руку Моника с бокалом. Он не выдерживает такого напора. Слышится хруст стекла и вскрик Моника. Бокал трескается в ее руке, осколки падают на пол с таким звоном, что кажется, барабанные пере-

понки сейчас лопнут, и я чувствую на своей руке теплую кровь, которая сочится из порезов на ладони Моники.

И только тогда я прихожу в себя. Отбрасываю ногой в сторону упавшие на пол осколки – завтра с утра придет домработница и все уберет – и тяну к себе ладонь Моники.

– Дай посмотрю, – говорю я и раскрываю ладонь.

– Ай, – тихонько стонет Моника, но не плачет и не обвиняет меня.

– Я сейчас. Подожди, – я выбегаю из кухни и бегу в ванную. Именно там Лариса держит аптечку.

Прихожу на кухню, включаю свет, Моника уже сидит на стуле, намотав на ладонь салфетку. От яркой вспышки света она щурится. Я сажусь у нее в ногах. В носу уже свербит от иланг-иланга, но я мужественно отгоняю от себя это наваждение.

– Надо обработать рану, – по-взрослому говорю я, убираю салфетку и сосредоточенно протираю место пореза перекисью водорода.

Я знаю, что это больно, но Моника молчит. Я поднимаю на нее глаза и вижу, как она закусил губу. Возвращаюсь к ране. Обработав ее, аккуратно перебинтовываю руку. Всё.

Поднимаюсь и смотрю на нее сверху вниз. Сейчас, когда она сидит на стуле, а я стою перед ней, ее лицо находится как раз на уровне моего живота, навевая неприличные фантазии. Она так открыто смотрит на меня, а потом облизывает губы. А я отгоняю мысли о том, что я мог бы сделать с этими губами.

И опять ощущаю прилив крови к паху. Чтобы не пугать ее своей эрекцией, поворачиваюсь и собираюсь уйти, как вдруг Моника хватает меня за руку. Я оборачиваюсь. Она встает и нас отделяют какие-то сантиметры. Я чувствую ее дыхание и, кажется, что слышу, как стучит ее сердце.

Мой взгляд скользит вниз на ее приоткрытые губы, потом еще ниже, пока не останавливается на сосках, которые упираются в персиковую ткань. И я уже не в силах скрыть свое возбуждение.

Я наклоняюсь к ней, хочу приблизиться, но она отступает назад. И мне бы воспользоваться этим и тоже отступить назад, убежать из кухни, выбросить из головы иланг-иланг и ее соски, но я иду вперед, на нее. Еще пара шагов и она упирается в ту самую столешницу.

Я приближаюсь к ней. Ее грудь почти касается меня, но пока я еще могу соображать. Упираюсь руками в столешницу по обе стороны от Моники так, что она оказывается между моих рук.

10. Никита

– Что тебе надо, Моника? – спрашиваю я и пристально смотрю ей в глаза.

Вместо ответа она скользит своим взглядом по моему лицу, как будто вырисовывает его, а потом кладет свои теплые ладошки мне на плечи и начинает пальчиками обрисовывать напряженные мышцы на моей груди. Это пытка.

– Ты красивый, – тихо говорит она, – и... большой.

И ее взгляд опускается на бугор в моих штанах. Ну да, у меня стоит. Я же живой.

Моника опять ведет своими пальцами к моим плечам и обнимает меня за шею, притягивает к себе и касается моих губ.

Это пиздец. Я больше не в силах сдерживаться. Хватаю ее за затылок и сильнее прижимаю к себе, впиваюсь в ее губы и толкаюсь языком. Там так горячо и сладко. И мне кажется, что я теперь и языком ощущаю вкус экзотического цветка. Она вся пропитана им.

Моника сразу же отвечает мне на поцелуй, дразня своим языком: то толкая его навстречу, то резко отдергивая и пряча его, заставляя искать его в исступлении.

Я плотнее прижимаюсь к ней и чувствую на своей груди ее соски и мягкие расплющенные шарики. Свободной рукой ныряю под низ топа и, немного отстранившись, накрываю ее грудь своей ладонью.

Сука, я готов кончить прямо сейчас. Только от ощущения, как ее грудь идеально легла в мою руку. Я мну ее, придавая ей форму, натираю сосок.

Моника выгибается и стонет мне в рот. Похоже, девочке нравятся мои ласки.

Мой член упирается ей в живот. Я отпускаю ее грудь, не без удовольствия отмечая, что это мое действие вызывает у Моника стон разочарования.

Немного придвинув ее к себе, я просовываю руки под низ ее шорт и обхватываю ее упругие ягодицы.

– Ох... – вскрикивает Моника.

Я приподнимаю ее и сажаю на столешницу. Вот, так-то лучше. Теперь мой член упирается не в живот, а туда, куда нужно. Туда, где ему, судя по тому, как там горячо, рады.

Приподнимаю рукой топ и накрываю ртом сладкую вишенку на груди. Провожу ладонью по шортам у Моника между ног.

– Ник... – стонет она.

– Меня так заводит, когда ты меня так называешь, – шепчу я ей в ушко и прикусываю мочку уха.

Потом оттягиваю резинку шорт и моя рука оказывается в самом горячем и влажном месте. Моника просто течет. Еще вопрос, кто из нас тут больше возбуждился.

Нежно раскрываю складочки, прохожусь по ним вверх-вниз, не касаясь пока клитора. Моника инстинктивно шире раздвигает ноги и поддается вперед, навстречу моим пальцам. Такая отзывчивая.

Не могу долго ее мучить. Легонько зажимаю между пальцами клитор и перекаत्याю его.

– О, Боже, – произносит Моника и откидывает голову назад.

– Мне больше нравится, когда ты меня Ником зовешь, – снова шепчу ей в ухо.

– Да, Ник, пожалуйста, – умоляет она.

Я надавливаю на клитор и одновременно проникаю одним пальцем внутрь ее. Господи, тут так узко! Она сжимает мой палец, как будто боится выпустить меня из себя. Круговыми движениями я расслабляю ее и начинаю то вынимать из нее палец, то снова погружать его. Потом опять возвращаюсь к клитору и обвожу его по кругу, надавливаю, перекаत्याю, заставляя Моника плотнее прижиматься ко мне и шептать мое имя.

Отпускаю клитор, не давая ей кончить, и вхожу в нее уже двумя пальцами. Начинаю трахать ее пальцами, наблюдая за ней. Ее реакция еще больше заводит меня. Моника изгибается, двигает бедрами и одной рукой хватает меня за шею, чтобы удержаться.

А вторая ее рука уверенно спускается мне на живот и проникает под штаны. Мой член сразу же дергается, когда маленькая теплая ладошка обхватывает его у основания. Она рукой ведет к головке и большим пальцем размазывает по ней блестящую каплю.

Я тихо матерюсь и ускоряюсь пальцами в ней. Моника подхватывает мой темп и работает своей рукой в такт движениям моих пальцев в ней.

Она не сдерживается и громко и сладко стонет, разрывая меня на части. И я чувствую, как мышцы начинают сжиматься вокруг моих пальцев. Она еще теснее обхватывает меня. И кончает. Я наслаждаюсь ее видом. Волосы растрепаны, губы опухли от поцелуев и укусов, на лице румянец.

Вынимаю из нее свои пальцы и за бедра придвигаю ближе к себе. Я тоже собираюсь кончить. В ней, а не в ее руке.

И я трахнул бы ее. Так мне снесло крышу. Трахнул бы ее на нашей кухне в нашем семейном гнездышке.

Но тут под нами раздается сигнал. Посудомоечная машина закончила цикл, о чем радостно сообщила и нам. Сигнал повторяется три раза и он словно выдергивает меня из пучины, в которую повергла меня Моника. Я как будто трезвею.

– Какого черта? – произношу я вслух и этот вопрос одинаково направлен и к посудомоечной машине, и к происходящему над ней.

– Это я запустила ее, – тихо говорит Моника. – Не хотелось оставлять грязную посуду.

– Этим занимается домработница, – говорю я, уже не глядя ей в глаза и заправляя свой член обратно в штаны. И не понимаю, радоваться или огорчаться тому, что посудомоечная машина остановила нас?

– Это все неправильно, – я качаю головой и стараюсь не смотреть на Моника. – Так не должно быть.

– Ник... – начинает Моника, но я прерываю ее жестом, подняв руку.

– Нет, Моника, – и выхожу из кухни.

11. Никита

Захожу в спальню и закрываю дверь на ключ. Как целка-недотрога. Я боюсь. Боюсь того, что Моника войдет в комнату и я уже не смогу сдержаться. Потому что уйти с кухни мне стоило громадных усилий.

Лежу на кровати, но не могу уснуть. Сука! Я чуть не трахнул сестру своей жены! Или трахнул? То, что мои пальцы побывали в ней, означает, что я изменил Ларисе? Член же остался ей верен.

Гребанная Моника! Я ненавижу ее. Ненавижу за то, что сломала мою размеренную, устойчивую жизнь. За то, что перед ней я чувствую себя слабым и уязвимым. За то, что она будит во мне то, о чем я даже не подозревал. Ненавижу. И хочу ее. Хочу так, как не хотел Ларису, когда мы только начали встречаться и она динамила меня. Ни на одну женщину я не смотрел с таким желанием. Порочный круг. Что делать? Как разорвать его?

Я еще долго ворочаюсь и, наконец, уже под утро проваливаюсь в сон.

Утром встаю с твердым намерением избавиться от проблемы по имени Моника. Первым делом звоню Сергею, риэлтору. Обещаю удвоить его гонорар, если он найдет квартиру для сестры моей жены в ближайшие два дня. Потом звоню Ларисе и предлагаю ей пообедать вместе в ее любимом ресторане недалеко от моей работы, держа в планах затащить ее к себе в офис и трахнуть там, на диване в моем кабинете.

На работу приезжаю злой и не выспавшийся. Мешки под глазами красноречиво напоминают о бессонной ночи.

– Не могу сказать, что выглядишь ты хорошо, – встречает меня мой партнер Олег.

– Бессонница замучила, – вру я. Хотя доля правды в этом есть: полночи я точно не мог уснуть. – Олег, а помнишь, Касатонов просил в Самару съездить, с его делами там разобраться?

– Да, было дело, но сейчас не до этого, вроде, – отвечает Олег. – Никто в Самару не поедет.

– Я поеду, – уверенно говорю я.

Олег удивленно смотрит на меня.

– Ты? С чего вдруг такое решение?

– Не хочу терять постоянного клиента, – опять вру я. Плевать я хотел на Касатонова и его бизнес в Самаре. Но сейчас это, пожалуй, единственная возможность уехать подальше от сестры моей жены. Да, именно так. Я зарекся называть ее по имени. Может, если я почаще буду называть ее сестрой моей жены, у меня в голове быстрее все встанет на прежние места?

И уже вечером я лечу в Самару. С трапа самолета меня встречает личный водитель Касатонова и отвозит в гостиницу. А там по устоявшейся традиции провинциальных гостиниц администратор, передавая мне ключи от номера, интересуется, не нужно ли мне девочку на ночь. И я готов долбануть его мордой о стойку регистрации, но мило улыбаюсь и вежливо отказываюсь.

Хватит с меня девочек. Как и планировал я трахнул Ларису в обеденный перерыв, хотя она и сопротивлялась. Что-то не так в наших отношениях. И началось это еще до приезда ее сестры. Надо будет поговорить с Ларисой по возвращении.

На второй день моего пребывания в Самаре я получаю сообщение с неизвестного номера: «Я съехала. Спасибо за ускорение риэлтора. Моника».

Сухо и по существу. Понятливая девочка. Я облегченно вздыхаю и уже очень хочу покинуть этот прекрасный город на Волге. Хочу домой.

Жизнь, наконец, возвращается в свое русло. В доме только я и Лариса. Никаких родственников.

Поначалу Лариса пыталась рассказывать мне о достижениях Моника, но я однозначно дал ей понять, что мне не интересно, и она оставила эту затею.

– Ларис, – говорю ей как-то вечером. Она сидит на диване, я лежу, положив голову ей на колени. – Роди мне дочку?

Лариса начинает кашлять, как будто подавилась.

– Никит, ты чего?

– Давай у нас дочка будет?

– А почему именно дочка? – спрашивает она.

– Не знаю. Но, если сын родится, то тоже охуенно.

– Ну, Никит, я пока не готова стать матерью.

Вот, странно. Мы почти десять лет женаты, все есть, нуждаться ребенок не будет точно, здоровье позволяет, самый возраст, а она все еще не готова. Чего еще не хватает для ее готовности?

– Это такая ответственность, – начинает свою песню Лариса.

– Но ведь я готов взять ее вместе с тобой, – спорю я.

– Чего ты вдруг взбеленился? – раздраженно говорит Лариса и, опуская мою голову на подушку, встает с дивана. – Ребенок должен быть желанным. А я пока не желаю его.

Лариса выходит из комнаты, я остаюсь один. Вот так. Моя жена не хочет детей. Она не готова.

12. Никита

– Никита Олегович, – встречает меня секретарь после обеденного перерыва, – звонил Краснов Сергей Витальевич. Просил Вас связаться с ним.

– Хорошо, спасибо, Оль.

Этого звонка я ждал давно.

Краснов Сергей Витальевич – председатель городской думы и мой давний знакомый. Когда-то я помог «отжать» ему один из подмосковных заводов по производству пластиковой посуды. Ну, как «отжать». Подготовил как надо бумаги. Я же не бандит. Таких у него тогда было пруд пруди. Времена были такие. Сейчас не знаю.

Потом он пошел в политику и оказалось, что у него ничего за душой-то и нету, кроме трешки в центре Москвы и скромной дачки. Но я-то знаю, что все свои заводы и конторы он предусмотрительно переписал на жену и ее родственников. Я сам готовил документы по этим сделкам.

В одной из наших бесед я намекнул Краснову, что не прочь был бы занять кресло депутата гордумы. Он обещал подумать. Я знал, что «подумать» у такого человека означает сделать. Это был лишь вопрос времени.

Мы договорились встретиться на следующий день.

Войдя в ресторан на следующий день, я сразу же заметил крупную фигуру Краснова, сидящего за столиком в углу. Я и сам не мелкий, но даже по сравнению со мной фигура Краснова выглядит внушительно. Борец в прошлом он и сейчас следит за своей физической формой. А ведь ему за полтинник.

– Здравствуй, Сергей, – приветствую я его, протягивая руку, и горжусь тем, что я – один из немногих, кто может называть его по имени.

– О! Здравствуй, Никита, здравствуй, рад видеть тебя, – он крепко жмет мою руку. – Садись, заказывай. Покушаем, поговорим.

Я сажусь за столик и делаю заказ. Официант убегает исполнять мои пожелания.

– Как сам? Как бизнес? – спрашивает Сергей, разливая коньяк.

– Грех жаловаться, – отвечаю я и мы, подняв рюмки, осушаем их.

– А как ты? – спрашиваю я, закусывая лимоном.

– Тоже не жалуясь, – весело отвечает Сергей. – Сын, вот, приезжает скоро. Густав.

У Сергея два сына и оба учатся за границей: один в Англии, второй – где-то в Швейцарии. Какой именно приезжает, не понятно. Да, мне и не интересно.

– А ты не обзавелся наследниками? – спрашивает Сергей, даже не подозревая, что наступает мне на мозоль.

– Нет, – сухо отвечаю я.

– Не затягивай с этим, – по-отечески говорит Сергей, принимаясь за свое блюдо, которое перед ним бережно поставил официант. – Пока молодой, надо детей делать. Чтобы с внуками успеть повозиться. А то будут к тебе приходиться только для того, чтобы на коляске тебя покатавать по солнышку.

Он смеется. Что мне ему сказать? Что моя жена еще не готова? Даже самому неловко становится за эту ее «неготовность». Как будто это я виноват, что она, живя со мной, не готова. Ладно, сменим тему.

– Ты хотел поговорить? – спрашиваю я и тоже начинаю пробовать результат работы местного повара.

Сергей кладет приборы, вытирает губы салфеткой и уже серьезно произносит:

– Да. У нас кресло освобождается. У одного гондона из непартийных, к счастью, в компьютере обнаружили детскую порнографию. Тьфу, блять.

Лицо Сергея морщится.

– И откуда они только такие берутся? – задает он риторический вопрос.

Я лишь пожимаю плечами. Хрен его знает, откуда они берутся. Будь моя воля, я бы давно ввел принудительную кастрацию как раз для таких гондонов.

– Так вот, – продолжает Сергей, – ты говорил, что хотел бы занять кресло депутата.

Я киваю.

– Тогда это твой шанс, – Сергей опять принимается за свой обед, – но есть два условия.

Я внимательно слушаю.

– Первое. Я тебе уже говорил как-то, что кресло стоит денег. Вот необходимая сумма. – Он протягивает мне салфетку, на которой написана цифра с шестью нулями. – Если бы это зависело только от меня, то вопрос о деньгах не стоял бы, ты сам понимаешь. Но распределение кресел – не только моя компетенция.

– Я все понимаю, – говорю я. В принципе, я был к этому готов. Запоминаю сумму, потому что в следующую секунду Сергей разрывает салфетку и кладет клочки на стол. – Второе условие?

– В думу ты должен войти «бессеребренником», чистым. Понимаешь? У тебя должна остаться только твоя юридическая практика. Все свои агентства и производства нужно либо продать, либо подарить. Ну, или переписать на надежного человека. Ну, ты помнишь схему. Сам же не один раз помогал людям с этим.

Этого стоило ожидать.

Да, у меня кроме адвокатской конторы есть еще несколько бизнесов. Я не люблю все яйца хранить в одной корзине и поэтому у меня дифференцированный бизнес: рекламное агентство, ИТ-компания, небольшое производство в Подмосковье.

– Время у тебя есть, – продолжает Сергей, – эту историю с педофилом решили не светить, чтобы из-за одного говнюка не осрамить имя всей думы. Поэтому будет он уходить в порядке самоотвода. То есть сам. Хотя, блять, будь моя воля, отправил бы я его на зону лет на двадцать и еще сделал бы так, чтобы его соседи по камере узнали, почему он там оказался. Ну, да, ладно. Все равно сделаем так, что ни в одно приличное место его не возьмут. Тебе все понятно?

– Да, – немного подумав, отвечаю я.

– Ты можешь не торопиться с ответом. Я понимаю. Сумма немаленькая и вопросы надо решить неспеша, чтобы не упустить чего.

– Сколько у меня времени?

– Примерно месяц. Может, меньше. Процедуру еще даже не начали. Пока только обсуждается все. Ты, вот, что. У меня через месяц юбилей – жемчужная свадьба.

– Да ты что? – искренне радуюсь я. – Это сколько же лет?

Я не особо разбираюсь в этих всех годовщинах свадьбы. По-моему, это, все-таки, больше женское занятие. К тому же ни я, ни Лариса никогда не отмечали с размахом свои годовщины.

– 30 лет! – гордо произносит Сергей. – Я и сам не знал, что это оказывается жемчужная свадьба. Но жена. Сам понимаешь, для них это не проходит мимо. Так что, приходи. Приглашения я пришлю позже. Познакомишься с моей семьей, и меня познакомишь с женой. Мы так давно с тобой работаем и столько делов натворили. Пора на новый уровень наши отношения выводить. Как считаешь?

– С этим не поспоришь, – говорю я. Сергей хлопает меня по плечу. По-дружески.

Что говорить? Я пиздец, как доволен. Дружить с ним мечтают многие. Это человек, который очень нужен, если у тебя свой бизнес и амбиции.

13. Никита

Я просыпаюсь утром в воскресенье отдохнувшим и в приподнятом во всех смыслах настроении. Рукой ищущ на кровати Ларису, но ее уже нет. Выходные – единственная возможность, когда у меня может быть утренний секс. Но, видимо, не сегодня.

Гляжу на стоящий член. «Большой» – вырывается из памяти одно единственное слово. И почему я услышал его не от жены? Забыть и не вспоминать! У меня ведь почти получилось.

Приняв душ, иду на кухню. Лариса пьет кофе и щелкает в телефоне.

– Доброе утро, – целую ее в щеку и делаю себе кофе. – Какие планы на сегодня?

– Ты не забыл? – она вскидывает на меня глаза. – Мы сегодня едем к маме.

Блять. Забыл, конечно. До этого мне пару выходных удавалось отмазываться от поездок к теще под предлогом срочной работы. Но сегодня-то я свободен. Еще и о планах спросил.

– Она опять испечет свой кефирный чизкейк? – уточняю на всякий случай.

Кристина Алексеевна – страшная сторонница здорового образа жизни. Причем таковой она стала относительно недавно. При этом она такая агрессивная сторонница, потому что считает, что блюсти этот ЗОЖ должны все, с кем она общается.

Поэтому к нашим встречам она обычно печет что-нибудь жутко не вкусное, но здоровое. Кусок этой здоровой пищи не лезет мне в горло.

– Никит, а можно обойтись без этих твоих подъебок? – похоже, Лариса сегодня не в духе, хотя это меня лишили утреннего секса.

– Ну, хорошо, дорогая, – подхожу к ней и опять целую ее, пытаюсь попасть в губы, но Лариса ловко подставляет щеку, – не буду. Я же люблю твою маму.

Надеюсь, мне удалось скрыть сарказм.

Два часа мы проводим в пробке, чтобы добраться до «гнездышка» Кристины Алексеевны, как она сама любит называть свой дом.

В коридоре нас встречает запах чего-то печенного. Ну, конечно, Кристина Алексеевна что-то напекла по очередному рецепту, выуженному на просторах интернета. Хорошо, что я перекусил дома «вредной» едой перед поездкой.

Но к этому запаху печенного примешан еще какой-то, который вызывает во мне тревогу. Что это? Я боюсь запаха? Херотень какая-то. Отгоняя тревожные мысли, я прохожу в гостиную и усаживаюсь в удобное кресло. Будет прекрасно, если за своими женскими сплетнями, обо мне забудут и я так и просижу тут до момента, когда надо будет ехать домой.

Но не тут-то было.

– Никита! – слышу я требовательный голос тещи. – Иди чай пить.

Я поднимаюсь и обреченно иду к столу. Надо отдать должное Кристине Алексеевне, чай у нее очень вкусный. Она заказывает его прямо из Вьетнама. Я не фанат чая, но то, что разливает мама моей жены, я пью с большим удовольствием.

– Садись, Никита, – с улыбкой встречает меня теща, – давно тебя видно не было. Забыл обо мне совсем.

– Работа, Кристина Алексеевна. Но я не забыл о Вас. Как видите, я здесь. Весь в Вашем распоряжении.

– Это хорошо, – таинственно произносит теща.

Потом поворачивает свою голову в сторону двери и кричит:

– Моника! Чай остывает!

Моника! Вот, чей аромат внес в мою израненную судебными процессами душу тревогу. Блять, Моника тоже здесь. Какого хуя, хочется мне спросить. Но вопрос прозвучит нелепо: она же тоже дочь Кристины Алексеевны, а это – семейное чаепитие. Я не рад нашей встрече, но я смогу ее пережить. За то время, что я не видел Моника, я стал сильнее и ничто не свернет

меня с пути истинного. Я повторяю это как мантру. Но понимаю, что все это хуйня, когда в комнату входит сестра моей жены.

Я не видел ее с той ночи на кухне, после которой я даже сменил посудомоечную машину, потому что ее писк каждый раз напоминал мне о том безумии, когда я чуть не трахнул сестру моей жены на столешнице над этой треклятой посудомоечной машиной. Новая посудомойка скромно молчит в ожидании, когда о ней вспомнят и откроют ее.

Я не хотел смотреть на Монику, но глаза сами поднимаются на знакомый силуэт. Она, как всегда, выглядит охуенно. На ней обычное летнее платье скромной длины, волосы собраны в хвост на затылке, минимум косметики, но почему-то выглядит она сексуально, слишком сексуально.

– Привет, – произносит она своим мягким голоском, едва скользнув по мне взглядом. Я возвращаюсь к своему чаю.

Начинается обычный бабский треп. Я не вслушиваюсь, копаясь в своем телефоне. Лариса пару раз пытается вовлечь меня в беседу, задавая вопросы, но, поняв, что толку от меня мало, бросает эту затею. Я упорно не смотрю на Монику, хотя порой мне кажется, что чувствую на себе ее взгляд.

– Никита, а что же ты ничего не ешь? – спрашивает вдруг Кристина Алексеевна.

– Вы знаете, я не голоден, – вежливо отвечаю я, косясь на морковно-тыквенное безобразие на блюде, представленное нам как пирог «Осенний». Вроде, лето на дворе, а тещу на унылую осень потянуло.

– Никита, у меня к тебе есть просьба. По-родственному, так сказать, – меняет тему Кристина Алексеевна.

– Внимательно Вас слушаю, – мне и правда интересно, о чем меня может просить мама моей жены. Еще и по-родственному.

– Ты же знаешь, что Моника учится на юридическом.

Так, интригующее начало.

– Сейчас она досдает экзамены и нужно проходить практику.

Я отгоняю от себя догадки о сути нашего родственного разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.